

ЖЕНИХ НА «КОНИКЕ»: ОБРАЗ ВСАДНИКА В РУССКОЙ СВАДЬБЕ И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ

ВЛАДИМИР СЕРАФИМОВИЧ БУЗИН

(Санкт-Петербургский государственный университет: Российская Федерация, 199034,
г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9)

***Аннотация.** Статья посвящена объяснению происхождения обрядового эпизода русской свадьбы, предписывающего жениху при появлении невесты сидение на «конике» — лавке традиционного русского жилища, которая украшалась изображением головы коня. Поскольку обряд представляет собой инсценировку мифа, то объяснение его должно исходить из соответствующего мифологического сюжета. Таковым, с точки зрения автора, является прибытие героя (нередко конного) к женщине для вступления с нею в брачные отношения после совершения им подвигов, что давало ему право на женитьбу. Сюжет «всадник и женщина» нередко воспроизводился в изобразительном искусстве как древности, так и позднего времени. Особо надо отметить датируемые V—III вв. до н. э. сцены ковра из раскопок курганов местности Пазырык на Алтае, росписи царской гробницы, обнаруженной в Болгарии, а также сюжеты металлических украшений с территории Болгарии с изображением подвигов некоего мужского персонажа и его соития с женщиной. Наконец, сюжет «женщина и всадники» весьма характерен для русской народной вышивки, где он явно наследует данную изобразительную традицию. Особенности иконографии женского образа позволяют предполагать, что он восходит к культуре верховного женского божества — «Великой Богини» земледельческих культур неолита-энеолита южнoевропейского региона. Появление мужчины-героя, видимо, относится к более позднему времени — формирования подвижных скотоводческих культур эпохи бронзы — раннего железа.*

***Ключевые слова:** русский свадебный обряд, «коник», мифологический сюжет, верховное женское божество.*

В статье речь пойдет о происхождении одного из предписаний русской традиционной свадебной обрядности — нахождения жениха в некоторые ее моменты либо на «конике», либо около него. Оно было характерно для свадьбы бывшей Тамбовской губернии, хотя не исключено, что бытовало и у других групп русского этноса.

Так, в с. Пеньки Моршанского уезда на рукобитье в доме невесты, когда

ожидался ее привод для демонстрации стороне жениха, сам он должен был сидеть на «конике», обхватив его резьбу обеими руками [Сысоев 1887]. В Козловском уезде во время окончательного сватовства невеста «во всей красе» выходила к родне жениха, а он, «как главное действующее лицо», становился у дверей рядом с «коником» [Свадебные обычаи 1890]. Место у «коника» ему надлежало занимать и в обрядности свадьбы с. Хворостянка

Рис. 1. Сюжетная сцена ковра пазырыкского кургана
Photo 1. Plot scene on a felt carpet from the Pazyryk gravel-mound

Усманского уезда, когда он с поезжанами прибывал в дом невесты, чтобы оттуда уже вместе с ней отправиться в церковь на венчание [Неч 1889].

Что такое «коник»? В интерьере русского традиционного жилища так называлась предназначенный для сидения предмет мебели. Он имел две разновидности, и обе были известны в Тамбовской губернии, где «коник» мог также называться «завлон» [Евтихиева 2003, 50 (№ 30)]. Один вид «коника» представлял собой короткую широкую лавку, которая шла от двери к продольной стене и служила местом мужских работ, при необходимости — сна. В придверной части конец лавки врубался в толстую тесину, верхнему же концу ее, выступавшему над лавкой, придавалась форма конской головы, откуда и произошло название «коник» [Бломквист 1956, 212–214; Русская изба 1999, 29–30; Русские 1997, 281]. Поэтому еще в одном варианте свадьбы Тамбовской губернии (Усманский уезд), когда во время сговора жениху предписывалось в ожидании привода невесты сидеть около двери на лавке [Сладковский 1868], можно предполагать, несмотря на отсутствие прямого указания, что его местонахождением был тот же «коник». У конца «коника», что упирался в угол жилища, находилась божница, то есть это был красный/передний угол; на «конике», отгораживая его при этом занавеской, помещали больных и рожениц [Бломквист 1956, 214–215]. Другой вид «коника» — маленькая скамеечка, которая ставилась у стены напротив стола [Евтихиева 2003, 75]. По имеющимся материалам жених должен был сидеть на «конике»-лавке или стоять рядом.

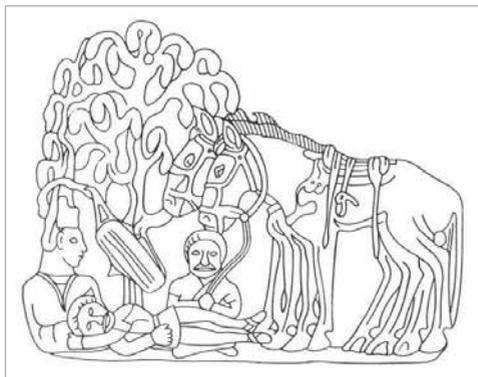

Рис. 2. Прорисовка сцены золотой бляхи Сибирской коллекции

Photo 2. Draughtsmanship of the scene from the golden badge of the Siberian collection

Чем было обусловлено данное предписание? Две специфические детали дают ключ к его пониманию: название лавки, на которую должен был садиться жених, — «коник», и его поза — обхватив резьбу руками, т. е. держа их у головы «коня». Перед нами, несомненно, имитация позы всадника, держащего поводья.

Воспроизведение женихом образа всадника можно усмотреть и в белорусской свадебной обрядности, где в содержании исполнявшейся во время каравайного обряда песни так описывается его поза:

Дзяціна...
На печы качавўся...
З стаўпом абымаўся
[Бернштам 2011, 102].

То есть в ней говорится о сидении жениха, обнимающего печной столб, между тем известно о декорировании этой детали печи изображением головы коня и применении в восточнославянской традиции к печному столбу названия «коник» [Криничная 2009, 32].

Коль скоро «обряд составляет как бы инсценировку мифа, а миф выступает как объяснение или обоснование совершаемого обряда» [Токарев 1988, 235], то логично будет обратиться к мифологии, а также к сказке как ее «сниженному» жанру¹, чтобы выяснить мотивы совершения данной обрядности. Статус субъектов обряда — жениха, прибывшего к невесте, и ее самой, долженствующей выйти

¹ В работе Т. А. Бернштам сказка, по сути, уравнивается с мифом [Бернштам 2011].

Рис. 3. Фалары античного времени с сюжетными сценами (Болгария)

Photo 3. Phalerae of the classical antiquity with plot scenes (Bulgaria)

Рис. 4. Фалары античного времени с сюжетными сценами (Болгария)

Photo 4. Phalerae of the classical antiquity with plot scenes (Bulgaria)

к нему, — приводит к выводу о воспроизводстве в ритуале брачной темы фольклора, сюжета обретения героем женщины-жены, а более конкретно — момента прибытия к ней, причем на коне как транспортном средстве. Как известно, в фольклоре герой обретает женщину-жену (иногда этому предшествует ее временная утрата) после череды странствий с совершением ряда подвигов. В.Я. Проппом применительно к волшебной сказке было показано, что в этой схеме отразился в преломленном виде характерный для первобытности обычай прохождения неопитом инициации, что давало ему право вступать в брак и тем самым становиться полноценным членом общества [Пропп 1986]. Во время путешествия транспортным средством героя часто выступает конь — «одно из наиболее мифологизированных животных» [Петрухин 1999, 590].

Фольклорный сюжет прибытия героя на коне к женщине нашел отражение в древнем изобразительном искусстве. Приведем несколько подобных примеров.

Его, в частности, мы видим на ковре, обнаруженном в одном из курганов V–IV вв. до н. э. местности Пазырык на Алтае: обрита (видимо, наголо: верхняя часть головы скрыта головным убором) женщина сидит в кресле, а к ней подъезжает на коне черноусый кудрявый брюнет в развевающейся накидке и с притороченным к седлу луком (рис. 1)². Трактовку этой сцены как сюжета мифологического брака дал Д. А. Мачинский, обратив особое внимание на лук — предмет вооружения, имеющий в мифологии брачную символику. Дальнейшее развитие этой сюжетной ситуации он увидел в сцене золотой бляхи примерно того же времени из сибирской коллекции: два всадника приехали к женщине, один лежит у нее на коленях, рядом находится дерево, на котором повешен колчан с луком (рис. 2) [Мачинский 1978, 144, 143]³.

² URL: http://images.yandex.ru/yandsearch?text1&img_url=img0liveinternet.ru%2Fimages%2Ffatta%2Fc%2F2%2F67%2F65%2F67065596 (дата обращения: 20 июня 2010 г.).

³ Данная в статье Д. А. Мачинским трактовка сцены золотой бляхи из Сибирской коллекции как прибытия героя-энарея для лечения своего заболевания (импотенции) расходит с той, которую он давал во время чтения лекции по скифо-сарматской археологии в начале 1970-х гг. в Ленинградском государственном университете. И сюжет пазырыкского ковра, и данную сцену он трактовал как прибытие героя с целью брака с изображаемой здесь женщиной, обращая внимание в сцене на положение руки лежащего мужчины, недвусмысленно протянутой к «лону» женщины. Для импотента-энарея это движение вряд ли бы имело смысл. Тогда же он привел аналогию связи «брак — лук» в сюжете финальной части «Одиссеи». Параллель в русской волшебной сказке — сюжет пускания стрелы героем при поисках будущей жены («Царевна-лягушка», СУС 402). О трактовке роли второго всадника на бляхе Сибирской коллекции см. ниже.

Рис. 5. Фалары античного времени с сюжетными сценами (Болгария)
 Photo 5. Phalerae of the classical antiquity with plot scenes (Bulgaria)

Еще одно воплощение этого фольклорного сюжета можно увидеть в незавершенной росписи царской гробницы IV–III вв. до н. э., обнаруженной в Тракии (Болгария). Всадник подъезжает на коне к группе женщин, из которых стоящая впереди возлагает на него венок [Чичикова 2012, 48, обр. 66]⁴.

В плане характера подвигов героя и завершения этой «эпопеи» примечательны сюжеты набора серебряных с позолотой фаларов (металлических украшений конской сбруи и доспехов воинов) середины IV в. до н. э. из Болгарии (рис. 3–6) [Венедиктов, Герасимов 1973, № 285, 286, 289, 290]. На них изображены всадник

Рис. 6. Фалары античного времени с сюжетными сценами (Болгария)
 Photo 6. Phalerae of the classical antiquity with plot scenes (Bulgaria)

с копьем, борьба антропоморфного персонажа с зооморфными существами, в том числе с фантастическим трехглавым змеем⁵, соитие мужчины и женщины. Д. А. Мачинский трактовал эти изображения как некую последовательность, объединенную одним сюжетом (можно сказать, комиксы античного времени), — повествование о череде подвигов фольклорного героя и ее завершении — браке с женщиной, причем показанном в физиологическом воплощении⁶.

Отметим два момента, объединяющие эти изобразительные сюжеты.

Во-первых, подчеркивание высокого статуса женщин. В сцене пазырыкского ковра — это богатая одежда, сидение в кресле, величественный вид⁷. В росписи тракийской гробницы — «выход

⁴ К сожалению, плохое качество этой и других иллюстраций (о них ниже) в указанном издании не дает возможности воспроизвести их в данной работе.

⁵ Об образе трехглавого змея в связи с индоевропейскими штудиями см.: [Клейн 2007].

⁶ Мне неизвестно, опубликовал ли Д. А. Мачинский, ныне уже покойный, свою трактовку сюжетов фаларов; о ней я знаю из устного сообщения коллег.

⁷ В трактовке Г. Н. Курочкина на пазырыкском ковре изображена сцена вручения богиней мужскому персонажу дерева как ритуала посвящения в жрецы шаманского культа. Для обоснования этой идеи автором приведены материалы по шаманизму сибирских народов [Курочкин 1988, 78–79]. Однако такое соотнесение допустить трудно: атрибутика сюжета (кресло, одежда участников, особенно женщины) говорит о том, что это круг социально-культурных характеристик общества более высокого уровня, чем общество приводимых для аналогии кетов и алтайцев с типичными для них первобытными отношениями. Но даже если это так, обрядность показывает более высокий статус женского персонажа, а посвящение мужчины производится за какие-то геройские заслуги военного характера, о чем недвусмысленно свидетельствует изображение лука, притороченного к седлу всадника.

на первый план» и стояние на постаменте, в отличие от остальных женщин позади, в которых можно усмотреть свиту, а главное, само действие — увенчивание мужского персонажа как акт его коронации, т. е. наделения властью, а это свидетельствует о более высоком, чем у героя, статусе женщины, возможной связи ее с сакральным миром, что в конечном счете заставляет предполагать в этом образе высокое женское божество.

Во-вторых, наличие в руках женщин предметов с растительной символикой. На пазырыкском ковре это росток с побегами, на концах которых угадываются стилизованные листья и соцветия. Не исключено, что дерево на бляхе сибирской коллекции играет такую же знаковую роль. На росписи гробницы фигурирует венок, который, кстати, в бытовой культуре воплощал брачную символику, что демонстрирует, в частности, славянская традиция: ношение девушками венков в качестве головного убора, украинский барвиновый обряд — ритуальное изготовление венка для невесты в канун свадьбы; иногда венком увенчивали и жениха [Гура 1995, 79; Украинцы 2000, 296–297]. И наконец, на фаларе, где изображен герой в коитусе с женщиной, некий третий персонаж недвусмысленно держит на ними росток⁸.

Обе особенности позволяют предполагать в женском персонаже верховное женское божество, главная сущность которого связана с растительным миром. Истоки его культа уходят в круг европо-переднеазиатских оседло-земледельческих культур неолита-энеолита, определяемых английской исследовательницей М. Гимбутас как «Древняя Европа». Согласно ее построениям, в религиозных представлениях населения доминировал культ верховного женского божества, связанного с растительным миром, почему среди прочих ее символов было изображение побега растения, а сам круг культур был определен ею как «Цивилизация Великой Богини» [Гимбутас 2006, 244 и др.].

Впрочем, уже до этих построений многие исследователи пришли к выводу

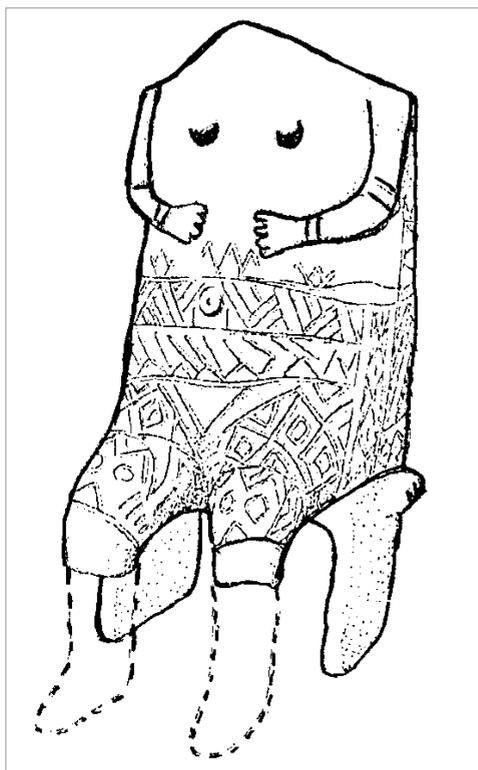

Рис. 7. Женская керамическая фигура «Цивилизации Великой Богини».

Photo 7. A female ceramic figure of the "Civilization of the Great Goddess".

о существовании этого культа. Отголоски его, в том числе в образах умирающих и воскресающих божеств, обнаруживаются в образах женских божеств Древнего мира — античных и ближневосточных, а в более позднее время — в олицетворениях таких демонологических образов народных представлений, как Матьер Хлеба, Хлебная Дева и им подобных [Кинжалов 1990; Фрэзер 1983, 306–396; Гринцер 1988]. Сидение на кресле женщины-богини пазырыкского ковра тоже, видимо, имеет прототипом подобную иконографию Великой Богини «Древней Европы», когда она изображалась именно таким образом (рис. 7) [Гимбутас 2006, 82, рис. 3–23.3⁹, 82, рис. 3–23.1, 3–23.2, 276, рис. 7–48]), так что М. Гимбутас даже посвятила этому

⁸ Третьего персонажа, казалось бы, лишнего в такой ситуации, мы также видим на бляхе сибирской коллекции, что предполагает неслучайность их присутствия. Не есть ли это некий помощник героя (в сказке относимый к разряду «волшебных»), функции которого в русской свадебной обрядности принадлежали дружке?

⁹ Культа тиса, юго-восточная Венгрия, начало V тыс. до н. э.

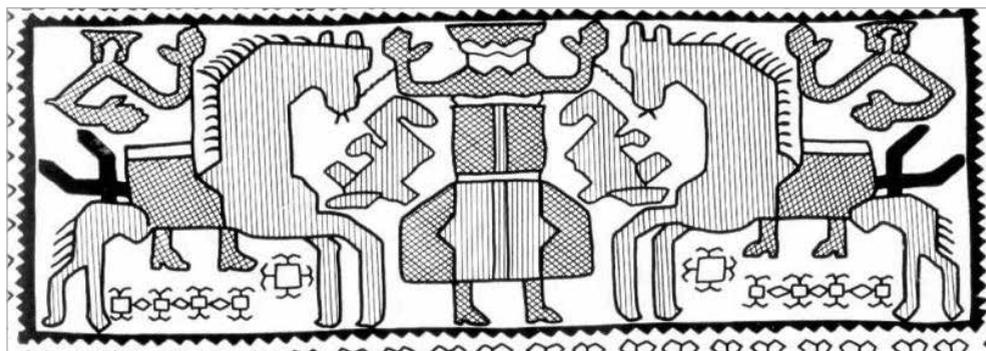

Рис. 8. Сюжет «Женщина и всадники» русской народной вышивки

Photo 8. "A woman and a horseman" in Russian folk embroidery

сюжету специальный раздел монографии под названием «Восседающая на троне Богиня природы и общества» [Там же, 377–378]¹⁰.

Таким образом, в этих изображениях воспроизведен сюжет прибытия конного героя к верховному женскому божеству после совершения подвигов (в мифе) / преодоления препятствий (в волшебной сказке). Приближение к нему, единение с ним — ни с чем не сравнимое блаженство. В отличие от мировых религий, где единение с представителями верховных сил представляется сугубо платоническим (праведники в христианском раю наслаждаются находясь рядом с Христом, Богородицей, Архангелом Михаилом и др.), в архаических верованиях близость с божеством мыслилась в прямом плотском смысле. Мир нахождения положительных божеств, в том числе и Великой Богини «Древней Европы», всегда мыслился как семантический верх¹¹, и именно с этим связано происхождение идиоматического выражения русского языка, определяющего высшее наслаждение, — «быть на седьмом небе» (от счастья). Отмечен ее едва ли не универсальный характер: «Иерархия... небес отражает и ценностную иерархию мифологического мира <...>, небеса представляют собой последовательные степени возрастания блаженства... Путешествие

героя в верхнюю землю <...> — одна из главных сюжетных схем мифологии, героических сказаний» [Брагинская 1988, 207]. Путешествие им могло совершаться, как можно видеть, и в брачных целях — не отсюда ли западноевропейское «Браки совершаются на небесах»?

Не случаен именно конь в фольклорном сюжете брака героя и соответственно «коник» в русском свадебном обряде Е. Ф. Королькова отметила: «Тема... женского божества, связанного с плодородием и растительностью, олицетворяемыми в образе древа жизни, и брачных взаимоотношений Великой богини с героическим мужским персонажем, как правило, сопряжена еще и с конскими образами» [Королькова 2009, 24]. Прямое отношение это животное имело и к русской сексуальной культуре; как заметила Т. А. Бернштам: «О половой символике коня говорить излишне» [Бернштам 2011, 237]. Добавим, что в ней «правильное» соитие, то есть при положении женщины на спине, а мужчины сверху на ней, определялось выражением «на коне» [Кон 1997, 28]. И закономерно, что при причислении сидения жениха на «конике» (или стояние рядом) именно к тому моменту, когда перед ним должна была появиться невеста. Отметим и еще один момент: в росписи «свадебного чина»

¹⁰ В связи с этим сюжетом интересна роспись купола Казанлыкской гробницы (Тракия, Болгария, III в. до н. э.), на которой изображена высокостатусная пара за трапезой, в окружении слуг, при этом женщина сидит в кресле, в то время как ее супруг — на более простом сиденье [Венедиктов, Герасимов 1973, № 88].

¹¹ Об отражении этих представлений в декоре традиционного русского жилища см.: [Бузин 2011].

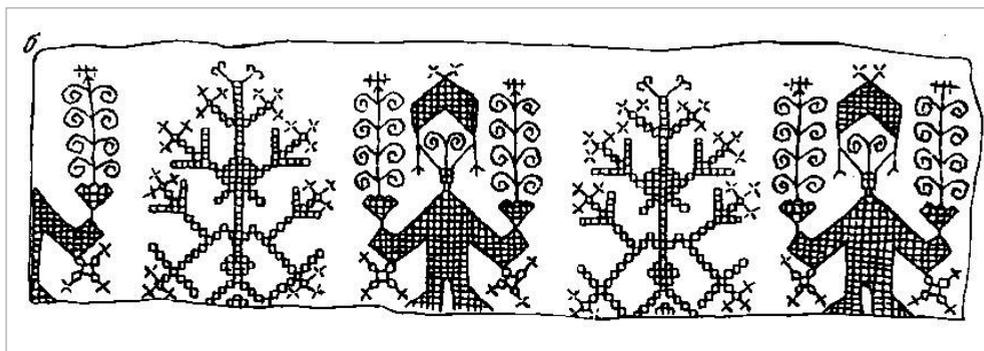

Рис. 9. Женская фигура с ростком в руке русской народной вышивки
 Photo 9. A female figure with a sprout in her hand in Russian folk embroidery

«Домостроя» (XVI в.) на сговор к невесте жених прибывал, сидя на коне [Домострой 1990, 180].

Сюжет с изображением интересующих нас персонажей — женщины и всадника — весьма характерен для русской народной вышивки, где он представлен так называемой трехчастной композицией с антропоморфной фигурой в середине и симметричными конниками по сторонам. К ее семантике в свое время обратился Б. А. Рыбаков: центральный персонаж он трактовал как изображение богини Макоши, а фланкирующие фигуры всадников — как «соподчиненных» ей «рожаниц» Лады и Лели (рис. 5) [Рыбаков 1994, 511]. В более широком плане он усматривал здесь сцену встречи весны с женщинами, везущими (надо полагать, на поле) сохи и бороны-волокуши [Там же, 511–514; Рыбаков 1988, 528].

В том, что центральный персонаж трехчастной композиции (вне зависимости от вида фланкирующих фигур) женский, сомнений ни у кого из исследователей не вызывает. Однако всё остальное в семантической трактовке Б. А. Рыбаковым этого сюжета весьма сомнительно. Почему это изображение Макоши (большинство исследователей правильным считает вариант имени Мокось), а фланкирующих фигур — «рожаниц»? В древнерусском язычестве если кто и связан с «рожаницами», то это Род, а не Макошь/Мокось: «Роду и рожаницам». Прямых указаний на женский пол всадников нет, а апелляция Б. А. Рыбакова к характеру их одежды малоубедительна: где доказательства, что длиннополые виды ее не были характерны для мужчин

в то время (какое?), когда сформировался этот изобразительный стереотип? Кроме того, что дает основание в неких рогатых выступах за спинами всадников видеть сохи, ведь не женщинам и не на крупах коней везти на поле эти мужские орудия труда? И где среди элементов вышивки декларируемые бороны?

Логичнее предположить, что перед нами тот же мифологический сюжет встречи героя с женщиной-божеством, олицетворяющим растительный мир. Укажем, что антропоморфная фигура с предметом в руках, растительная символика которого несомненна, — нередкий сюжет русской народной вышивки (рис. 6) [Маслова 1978, 125, рис. 66, б; 103, рис. 49; 147, рис. 79, б, в]. Требуется, конечно, объяснения наличие не одной, а двух конных фигур при женском персонаже. Это несоответствие можно объяснить тем, что с утратой понимания смысла изображения происходит схематизация сюжета, подчинение его неким художественным стереотипам. В частности, таковым могло быть требование гармоничности, а ее видели в уравновешенности, симметричности изображения, что повлекло преобразование этого сюжета в характерную для русского народного декоративно-прикладного искусства трехчастную композицию.

Логичным будет вывод, что предписание жениху сидеть на «конике» в определенные моменты свадебной обрядности Тамбовщины воспроизводит мифологический сюжет прибытия конного героя к высокостатусной женщине после совершения им ряда подвигов, что давало ему право для вступления с нею в брачные отношения.

Но не слишком ли снижается в таком случае священное величие мифа подражанием индивида профанного мира герою эпического сказания? Определенно нет в свете функционального объяснения мифа как изложения социальных установок, норм поведения члена общества, но только воплощенных в сюжетах сакрального прошлого [Никишенков 1986, 120]. Примечательна ремарка относительно причины нахождения жениха во время сватовства у «коника»: «как главное действующее лицо» [Свадебные обычаи 1890], поскольку не только в обрядности сватовства, но и вообще свадебной, он таковым не был. Это пережиточный момент более ранних «мифологических» времен, когда успех претендента на брак достигался исключительно его личными деяниями. Фольклорный герой «добывает» женщину, а не ее приводят к нему, поэтому обряд сидения на «конике» всегда совершался в доме невесты, т. е. на ее территории.

И еще некоторые моменты русской традиционной свадебной обрядности, в которых фигурируют «коник» и сидение на нем, могут быть объяснены ее трансформацией при утрате знания о логике совершения ритуальных действий. Это уже не сидение жениха на «конике», а стояние около него. Преобразование данного обряда в еще большей степени можно усмотреть в предписании усаживаться на «конике» не жениху при выходе невесты, а сватам, пришедшим делать предложение о браке [Евтихиева 2003, 50 (№ 30), 52 (№ 36), 54 (№ 43), 55 (№ 44), 57 (№ 51); Пискунова и др. 2001, 166]. О стадийно более позднем его происхождении

свидетельствуют мифологические мотивы, по крайней мере индоевропейские, связанные с брачной тематикой: они не знают не только персонажей-сватов, но и вообще института сватовства — герой прибывает к женщине для соединения с нею (в том числе и в плотском смысле), что называется, «по определению». Примечательно в связи с этой проблемой обращение к восточнославянской сказке — жанру, представляющему собой «сниженный», то есть с элементами профанного, уровень мифологии. В волшебной сказке, судя по указателю сюжетов, сватовство присутствует в единственном случае (СУС 402), в то время как в новеллистической, где бытовые реалии усиливаются, количество их увеличивается [СУС, 103–185, 217–253]¹². Логично поэтому предположить, что, когда институт сватов появляется, предписание имитировать прибытие всадников стало относиться и к ним, как представителям жениха, его заместителям.

Наконец, в одном из описаний свадьбы встречается указание, что на «конике» сидел мальчик с каталкой, который «продавал» косу невесты [Евтихиева 2003, 57 (№ 50)]. Как единственный по имеющимся источникам, факт такого рода может быть объяснен либо случайностью, либо тем, что местонахождение «продавца», который должен был на самом деле защищать невесту (об этом свидетельствуют и его «вооруженность» скалкой, и имитация борьбы с прибывшей стороной жениха), связывалось не с «коником», а с дверью, около которой «коник» заканчивался и которую, как вход в жилище, он охранял.

Литература

Бернштам 2011 — Бернштам Т. А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб., 2011.

Бломквист 1956 — Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1956. С. 3–458. (Труды Института этнографии Академии наук СССР. Нов. серия. Т. XXXI).

Брагинская 1988 — Брагинская Н. В. Небо // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2:

К (Корибанты) — Я / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. С. 206–208.

Бузин 2011 — Бузин В. С. Тамбовский «репейник»: к семантике одного из элементов декора русского народного жилища // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2011. Вып. 3. С. 115–125.

Венедиктов, Герасимов 1973 — Венедиктов И., Герасимов Т. Тракийского изкуство. София, 1973.

Гимбутас 2006 — Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир древней Европы. М., 2006.

¹² Однако сватается ли сам герой или специально посланные для этого лица — вопрос, требующий дополнительных изысканий.

- Гринцер 1988 — *Гринцер П. А.* Умирающий и воскресающий бог // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: К (Корибанты) — Я / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. С. 547–548.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Венок свадебный // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Науч. ред. В. Я. Петрухин и др. М., 1995. С. 79.
- Домострой 1990 — *Домострой* / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1990.
- Евтихиева 2003 — *Евтихиева Л. Ю.* Тамбовский курагод: Сб. сценариев и матер. для фольклорных коллективов. Вып. 1. Тамбов, 2003.
- Кинжалов 1990 — *Кинжалов Р. В.* Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры / Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1990. С. 82–88.
- Клейн 2007 — *Клейн Л. С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Klein_Dr_migr_IEN.pdf (дата обращения: 15.05.2012).
- Кон 1997 — *Кон И. С.* Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. М., 1997.
- Королькова 2009 — *Королькова Е. Ф.* Великая богиня, божественный всадник и загадочные энереи: попытка интерпретации // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А. Фурасьев. СПб., 2009. С. 11–28.
- Криничная 2009 — *Криничная Н. А.* Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 29–42.
- Курочкин 1988 — *Курочкин Г. Н.* Сюжетные изображения на войлочных кошах из пятого Пазырыкского кургана (к предыстории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. С. 78–79.
- Мачинский 1978 — *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье / Науч. ред. В. Г. Луконин. Л., 1978. С. 131–150.
- Маслова 1978 — *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
- Неч 1889 — *Неч Н.* Свадебные обычаи в с. Хворостянке Усманского уезда // Тамбовские губернские ведомости. 1889. № 54.
- Никишенков 1986 — *Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии (Критика функционализма). М., 1986.
- Петрухин 1995 — *Петрухин В. Я.* Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 590–594.
- Пискунова и др. 2001 — *Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В.* Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов, 2001.
- Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / Отв. ред. В. И. Еремينا, Н. М. Герасимова. Л., 1986.
- Русская изба 1999 — *Русская изба* (внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрир. энцикл. / Авт.-сост. Д. А. Баранов и др.; науч. ред. И. И. Шангина. СПб., 1999.
- Русские 1997 — *Русские* / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова и др. М., 1997. (Народы и культуры).
- Рыбаков 1988 — *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.
- Рыбаков 1994 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1994.
- Свадебные обычаи 1890 — *Свадебные обычаи и обряды в Козловском уезде* // Тамбовские губернские ведомости. 1890. № 113.
- Сладковский 1868 — *Сладковский.* Ответы на вопросы Этнографического отделения Императорского Русского географического общества о народных обычаях, существующих в Усманском уезде (Тамбовской губернии) // Тамбовские губернские ведомости. 1868. № 33.
- СУС — *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка* / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
- Сысоев 1887 — *Сысоев В.* Село Пеньки Моршанского уезда // Тамбовские губернские ведомости. 1887. № 67.
- Токарев 1988 — *Токарев С. А.* Обряды и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: К (Корибанты) — Я / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. С. 235–237.
- Украинцы 2000 — *Украинцы* / Отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев. М., 2000. (Народы и культуры).
- Фрэзер 1983 — *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии: Пер. с англ. М., 1983.
- Чичикова 2012 — *Чичикова М.* Царската гробница с кариатидите край село Свещари: 30 години от откриването. Исперих, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; тел.: +7 (812) 328-94-47; e-mail: vsbuzin@front.ru

A BRIDEGROOM HORSEBACK ON THE “KONIK”: HORSEMAN IMAGE IN RUSSIAN WEDDING RITE AND ITS MYTHOLOGICAL CORRESPONDENCES

VLADIMIR BUZIN

(St. Petersburg State University: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034,
Russian Federation)

Summary. *This paper explains origins of a certain ritual episode in the Russian wedding, which on bride entering prescribed a bridegroom to sit horseback on “konik” the bench, namely on a furniture element of a traditional Russian home, which is decorated with a picture of a horse’s head. Since the ceremony can be understood as a dramatization of the myth, its explanation comes from the corresponding mythological story. The author is sure, that it is the arrival of the hero (often an equestrian) after committing heroic deeds that gave him the right to marriage, to visit a woman for the sake of joining with her in marriage. The pattern of “man and woman” is often reproduced in fine art of the ancient world and later times. Among them the author highlights scenes depicted at felt carpets from excavations of gravel-mounts of Pazyryk locality in the Altai, which have dated back to the 5th — 3rd centuries BC, murals of the Royal tombs discovered in Bulgaria and scenes of the metal jewelry, depicting male character’s intercourse with a woman. Last but not least, the plot of “a woman and horsemen” is typical of Russian folk embroidery and we believe it to be inherited from this fine art tradition. Features of the iconography of the female image suggest that it dates back to the cult of the Supreme female deity, “Great Goddess”, which had been worshiped among agricultural tribes of the Neolithic — Chalcolithic ages of the southern European region. The appearance of a male hero, apparently, refers to a later time — the formation of mobile pastoralist cultures of the Bronze age — early Iron age.*

Key words: Russian wedding ceremony, bridegroom, “konik” bench, mythological story, the supreme female deity.

References

- Barag L. G., Berezovskiy I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V.** (comp.) (1979) *Sravnitel’nyy ukazatel’ syuzhetov: Vostochno-slavyanskaya skazka* [Comparative plot index: East-Slavic folk-tale]. Leningrad. In Russian.
- Baranov D. A.** (comp.) (1999) *Russkaya izba* (vnutrennee prostranstvo, ubranstvo doma, mebel’, utvar’) [Russian house (interior space, decoration, furniture, utensils)]. Ed. by I. I. Shangina. St. Petersburg. In Russian.
- Bernshtam T. A.** (2011) *Geroy i ego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan* [The hero and his women: images of ancestors in the mythology of the Eastern Slavs]. St. Petersburg. In Russian.
- Blomkvist E. E.** (1956) *Krest’yanskie postroyki russkikh, ukrainsev i belorusov* (poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennye stroeniya) [Peasant buildings among the Russians, the Ukrainians and the Belarusians (settlements, dwellings and farm buildings)]. In: *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik* [East-Slavic ethnographic miscellanea]. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow. Pp. 3–458. (Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Nov. seriya [Transactions of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. New series]. Vol. XXXI). In Russian.
- Braginskaya N. V.** (1988) *Nebo* [Heaven]. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]. In 2 vol. Vol. 2. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow. Pp. 206–208. In Russian.
- Buzin V. S.** (2011) *Tambovskiy “repeynik”: k semantike odnogo iz elementov dekora russkogo narodnogo zhilishcha* [Tambov burdock: to the semantics of one decoration element of Russian folk dwelling]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Herald of St. Petersburg State University]. Ser. 2. 2011. Issue 3. Pp. 115–125. In Russian.
- Chichikova M.** (2012) *Tsarskata grobnitsa s kariatidite kray selo Sveshchari: 30 godini ot otrkivaneto* [Royal tomb with cariatides near Sveshtari village: 30 years since finding]. *Ispereh*. In Bulgarian.
- Evtikhieva L. Yu.** (2003) *Tambovskiy kuragod* [Tambov “Kuragod” circle]. Coll. of feast plans and materials for folklore groups. Ed. by Yu. D. Pavlov. Issue 1. Tambov. In Russian.
- Frazer J. G.** (1983) *Zolotaya vetv’: Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study of magic and religion]. Transl. from English. Moscow. The 2nd ed. In Russian.
- Gimbutas M.** (2006) *Tsivilizatsiya Velikoy Bogini: mir drevney Evropy* [Civilization of the Great Goddess: the world of ancient Europe]. Moscow. In Russian.
- Grintser P. A.** (1988) *Umirayushchiy i voskresayushchiy bog* [Dying and reviving god]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 2. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow. Pp. 547–548. In Russian.
- Gura A. V.** (1995) *Venok svadebnyy* [Bridal wreath]. In: *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskiy slovar’* [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Ed. by V. Ya. Petrukhin et al. Moscow. P. 79. In Russian.

Kinzhlov R. V. (1990) Simvolika «pleksisa» v mife, obryade, izobrazitel'nom iskusstve drevnosti i v sovremennom fol'klore [Symbolism of plexus in myths, rituals, depictive arts of the antiquity and contemporary folklore]. In: Fol'klor i etnografiya: Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury [Folklore and ethnography: problems of reconstruction of facts of traditional culture]. Ed. by B. N. Putilov. Leningrad. Pp. 82–88. In Russian.

Kleyn L. S. (2007) Drevnie migratsii i proiskhozhdenie indoeuropeyskikh narodov [Ancient migrations and origins of Indo-European peoples]. St. Petersburg. URL: /http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Kleyn_Dr_migr_IEN.pdf (retrieved: 15.05.2012).

Kolesov V. V. (ed., pref., transl., comm) Domostry [Home orders] (1990). Moscow. In Russian.

Kon I. S. (1997) Klubnichka na berezke: Seksual'naya kul'tura v Rossii [Strawberry on birch: Sexual Culture in Russia]. Moscow. In Russian.

Korol'kova E. F. (2009) Velikaya boginya, bozhestvennyy vsadnik i zagadochnyy enerei: popytka interpretatsii [Great Goddess, Divine Horsemen and mysterious energy: interpretation attempt]. In: Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem [The Huns, the Goths and the Sarmatians between the Volga and the Danube]. Ed. A. Furas'ev. St. Petersburg. Pp. 11–28. In Russian.

Krinichnaya N. A. (2009) Krasnyy ugol: ob istokakh i semantike sakral'nogo lokusa (po severnorusskim materialam) [Red corner: origins and semantics of the sacred locus (exemplified in Northern-Russian materials)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2009. No. 2. Pp. 29–42. In Russian.

Kurochkin G. N. (1988) Syuzhetnye izobrazheniya na voylochnykh koshmakh iz pyatogo Pazyrykского kurgana (k predystorii shamanizma v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii) [Scene images on felt carpets from the 5th Pazyryk gravel-mount (to the pre-history of shamanism in Southern Siberia and Central Asia)]. In: Istoriografiya i istochniki izucheniya istoricheskogo opyta osvoeniya Sibiri [Historiography and sources for studying the historical experience of the development of Siberia]. Novosibirsk. Pp. 78–79. In Russian.

Machinskii D. A. (1978) Pektoral' iz Tolstoy Mogily i velikie zhenskie bozhestva Skifii [Neck-piece from Tolstaya the grave and great female deities of Scythia]. In: Kul'tura Vostoka. Drevnost' i rannee srednevekov'e [Culture of the East: Antiquity and early Middle ages]. Ed. by V. G. Lukonin. Leningrad. Pp. 131–150. In Russian.

Maslova G. S. (1978) Ornament russkoy narodnoy vyshivki kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. Ed. by S. V. Ivanov. Moscow. In Russian.

Nech N. (1889) Svadebnye obychai v s. Khvorostyanke Usmanskogo uezda [Wedding customs of Khvorostyanka village of Usman' county]. *Tambovskie gubernskie vedomosti* [Tambov provincial gazette]. 1889. No. 54.

Nikishenkov A. A. (1986) Iz istorii angliyskoy etnografii (Kritika funktsionalizma) [From the history of the British ethnography (Criticism of functionalism)]. Moscow. In Russian.

Petrukhin V. Ya. (1999) Kon' [Horse]. In: Slavyanskies drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities: Ethno-linguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 590–594. In Russian.

Piskunova S. V., Makhacheva T. V., Gubareva V. V. (2001) Slovar' tambovskikh govorov (dukhovnaya i material'naya kul'tura) [Dictionary of Tambov dialects (spiritual and material culture)]. Tambov. In Russian.

Propp V. Ya. (1986) Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical roots of the fairy-tale]. Leningrad. In Russian.

Russkie [Russians] (1997). Ed. by V. A. Aleksandrov, I. V. Vlasova, N. S. Polishchuk. Moscow. In Russian.

Rybakov B. A. (1988) Yazychestvo Drevney Rusi [Paganism of the Old Russia]. Moscow. In Russian.

Rybakov B. A. (1994) Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism among ancient Slavs]. Moscow. In Russian.

Sladkovskiy (1868) Otvetny na voprosy Etnograficheskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva o narodnykh obychaiakh, sushchestvuyushchikh v Usmanskom uezde (Tambovskoy gubernii) [Answers to the questions of the Ethnographic Branch of the Russian Emperor Geographical Society about folk customs existing at Usman' county (Tambov province)]. *Tambovskie gubernskie vedomosti* [Tambov Provincial Gazette]. 1868. No. 33.

Svadebnye obychai i obryady v Kozlovskom uezde [Wedding customs and rites in Kozlov county]. *Tambovskie gubernskie vedomosti* [Tambov Provincial Gazette]. 1890. No. 113.

Sysoev V. (1887) Selo Pen'ki Morshanskogo uezda [Pen'ki village of Morshansk county]. *Tambovskie gubernskie vedomosti* [Tambov Provincial Gazette]. 1887. No. 67.

Tokarev S. A. (1988) Obryady i mify [Rites and myths]. In: Mify narodov mira: Entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]. In 2 vol. Vol. 2. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow. Pp. 235–237. In Russian.

Ukraintsy [Ukrainians] (2000). Ed. by N. S. Polishchuk, A. P. Ponomarev et al. Moscow. In Russian.

Venedikov I., Gerasimov S. (1973) Trakiyskoto izkustvo [Thracian art]. Sofia. In Bulgarian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: vsbuzin@front.ru

Tel.: +7 (812) 328-94-478

7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PhD (History), associate professor, Institute of History, St. Petersburg State University